

„Забитый друг“

НЕТ, это не только забытый друг!

Забить можно вещь, случается оброненное слово, непродуманно данное обещание. Но нельзя забыть боевого товарища, одноположенца, с которым столько было пережито, прочувствовано и пролито в тяжелые годы войны. А вот, водка, забыли Терентия Гуськова, смелого, отважного, великодушного друга. Один, как Григорий Карпов в Елене, забыли без злое умысла, по простой человеческой рас 계산ности, вернее невнимательности. Иначе пострадал бы «забытый» Янушкин. Этот сделал все, что было в жизни выпало самое имя Гуськова. И сделал это подло, бесчестно, спасая собственную шкуру и замывая следы собственного бесчестия.

И действительно, Гуськов как бы разстал в воздухе, приняв на себя чужую вину. А Янушкин, убедившись, что призраки не возвращаются, выпало из своего душевного подполья и, не имея никаких талантов в сочинении, занялся подленьким приобритением.

Случай вновь сводит Янушкина с Григорием Карповым, а через него и с Гуськовым, отбывшим по закону то, что, как минимум, полагало его бывшему начальнику, майору Янушкину. Так возникает сюжетная основа драмы, поставленной на сцене Художественного театра.

Пьеса «Забитый друг», проникнутая высокой нотой нравственного беспокойства, вызвала различную оценку критики.

Одни усомнились в ее художественных достоинствах, упрекая автора в стереотипности образа Янушкина, который якобы ничего нового не прибавляет к галерее отрицательных типов, уже известных зрителю по другим произведениям.

Другие сочли крайне неблагоприятным изображение Григория Карпова,

человека, наделенного и талантом, и честными порывами, и высоким званием депутата и тем неосторожно оставившего друга в беде.

Гретьи, не закрывая глаза на недостатки драмы, все же признали за театром право на плодотворные поиски, тем самым признавая, что основой их является пьеса А. Салынского.

Но будем и мы переоценивать достоинства «Забитого друга». Так же, как и в первой пьесе А. Салынского «Опасный спутник», поставленной на московской сцене, в новом произведении довольно отчетливо звучит тревожная, беспечная мысль о том, что нам, примиренному с миром, надо зорко всматриваться в жизни, в людей, уметь распознавать за внешними чертами благодушия все то, что мещет с собой душный мещанский мир.

Автор в своих пьесах как бы говорит: мы идем в гору, труден этот путь, идем бок о бок со многими и многими людьми: не все они одинаковы и не все хороши. Так умейте отличить истинное от фальшивого, хорошее от плохого. Умейте распознавать «опасных спутников».

Таким «опасным спутником» для Терентия Гуськова оказался его «друг» Янушкин. Не распознал он темную, ржавую душу Янушкина. И, может быть, потому, что внешне Янушкин казался совсем «своим человеком», с добродушным, даже несколько наивным выражением лица, симпатичной улыбкой. Все в нем нараспашку, все скромно и достойно. Но это только видимость. А по существу он — хам, лицемер, стяжатель. По мерзкому честолюбию расчету не выполнил он боевого задания. И, спрятавшись от своего преступителя, кинул на Гуськова, переключив свою вину на своего «друга».

Янушкин, как его играет артист В. Муравьев, — разновидность цепкого приспособленца, человека с мелкой душой, пошляк и предатель. Незнакомство какими путями он подчинил своей воле Елену, но совершенно наглому растлевает душу своего младшего брата Гоши, подставляет ножку возможному сопернику по работе Осмоловскому, пытается шантажировать Григория и дичинно подталкивает к гибели Терентия Гуськова.

В Муравьев достаточно глубоко раскопал сущность этого Янушкина. Он увидел его ничтожество, мелкотравчатость. И все это убедительно, талантливо показал в своей игре. Вот только, может быть, несколько поспешил артист в своем стремлении разоблачить Янушкина. При первой же встрече с Карповым артист только при одном упоминании имени Янушкина слишком подчеркнуто рисует беспокорность своего героя. Понятно, это можно оправдать трусостью характера. Но, право же, в роли так много возможностей «изящно» разоблачить, что, пожалуй, совсем так быстро срывать с него маску.

Чем больше разувался, подлиннее лицо Янушкина, тем убедительнее будет развиваться самый образ. Но, адресуя этот упрек исполнителю, мы все же готовы признать образ, созданный В. Муравьевым, весьма живым, естественным, убедительным.

Теперь о Григории Карпове. Так ли все в нем идеально, как это может показаться при первой же встрече? Много положительных черт отдал автор своему герою, но вот одной ее мог утратить. Ее сразу нельзя различить, она раскрывается как бы обстоятельствами действия. Что же это за черта? Пожалуй, ее можно так определить: это пророческая интуиция, способность души, слышимой кристальное виденье в

свои мысли и ощущения. В игре артиста М. Зимина эта особенность характера еще больше подчеркивается. У слишком спокоен его Григорий, слишком медлителен в решении такого важного для себя вопроса, как отношение к Елене, и слишком наивиделен этот знаменитый кузнец для своих друзей.

Но в том, что было предположено автором для игры артиста, есть и свой смысл. Подчеркивая некоторую «самоулюбленность» Карпова, автор как бы предупреждает, что эта черта не из тех, какие могут украсить человека. Ведь с этого, пожалуй, и начинаются равнодушие и себялюбие. И не это ли помогло Янушкину до поры до времени жить и как-то по-своему, по-мещански процветать. Помогает Янушкину и другое — присутствие при нем Елены (артистка Т. Леникова), человека, когда-то потянувшегося за благородным чувством первой любви, но переклаченного грязными руками обывателя.

Елена и у автора, и у исполнительницы оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, она как будто сильная, волевого, честного человека, с другой — столь долгое совместное пребывание с пошлым, мелочным человеком, да же если принять во внимание, что он-то умел очень ловко лгать и притворяться, оставляет известное пятно на душе героини. Значит, и она, эта смелая и сильная женщина, в чем-то просчиталась, что-то не доглядела, а затем опустилась и застыла.

Однако не коллизия Григорий — Янушкин — Елена — центр драмы. Основной драматический герой пьесы — Терентий Гуськов. В раскрытии этого образа артист П. Чернов достиг большой правды, искренности, сдержанного драматизма.

Лазгет тайфела дверь, ведущая в сад Янушкина. И перед не-

ми в невзрачной одежде предстает когда-то броской калиткой артиллерийский Терентий Гуськов. Весь он в напряженном ожидании, чуть-чуть застенчив и предельно сдержан. В глазах давно затаянный вопрос — где же правда, где справедливость? И мучительно спрашивает он Семена Янушкина: был ли тот приказ, который он не исполнил, за что вся вина пала на Гуськова. По словам Янушкина Гуськов читает правду: да, был приказ, да, утаил он его, из-за этого погибли люди, погибла техника. Преступление было совершенно одним, виноватых поместил другой.

Вся эта сцена познания горькой правды — одна из самых сильных в пьесе и в спектакле.

И тут возникает вопрос: должен ли был Карпов энергично вмешаться в судьбу Гуськова? В идеале — да, должен был! Но в жизни могло случиться иначе. И это хорошо, что не «идеальный», а жизненно-конкретный случай подсматривает и показывает автор, Карпов опоздал... Опоздал не по злым умыслам, а потому, что во время мы успевали прийти на помощь другу. Именно это, как нам кажется, хотел подчеркнуть и режиссер спектакля В. Белокуров. Он и исполнитель роли Гуськова артист П. Чернов все сделали, чтобы раскрыть жизненное, естественное развитие драмы.

Терентий Гуськов погиб не потому, что Янушкин оказался сильнее его. Слишком поздно поспешил на помощь ему Григорий, и слишком долго окружающие не могли распознать мелкую душонку Янушкина. В этом большая, тревожная тема пьесы и спектакля.

Но не все удалось драматургу. Не все образы очерчены метко и выразительно. В построении действия, в развитии конфликта подчас заметны белые нити условности, натяжки. Часто одно явление на

сцене не подготовлено другим: появление тех или иных действующих лиц нередко бывает случайным, произвольным. Неизвестно, например, чем обусловливается присутствие в пьесе молодой церковной артистки Наташи. Скорее всего это имеет чисто иллюстративное значение — показать сердечную стойкость Григория Карпова.

Весьма неточно охарактеризован молодой журналист Басков, друг Григория (артист В. Давыдов). Не реалисты и такие образы, как молодой агроном Тамара (артистка Е. Хромова), как мачалины полководческой станции Осмоловский (артист П. Алексеев). Все это только эскизы, зарисовки, но еще не полноценные, живые характеры. И с этим бессильны были справиться и режиссеры, и актеры.

Более удачно обрисован образ младшего брата Янушкина Гоши в живом, чудесном исполнении артиста Л. Харитонова. Артист здорово переключается в этого озорного, но прямого и честного юношу. Опоздал не по злым умыслам, а потому, что во время мы успевали прийти на помощь другу. Именно это, как нам кажется, хотел подчеркнуть и режиссер спектакля В. Белокуров. Он и исполнитель роли Гуськова артист П. Чернов все сделали, чтобы раскрыть жизненное, естественное развитие драмы.

Терентий Гуськов погиб не потому, что Янушкин оказался сильнее его. Слишком поздно поспешил на помощь ему Григорий, и слишком долго окружающие не могли распознать мелкую душонку Янушкина. В этом большая, тревожная тема пьесы и спектакля.

Но не все удалось драматургу. Не все образы очерчены метко и выразительно. В построении действия, в развитии конфликта подчас заметны белые нити условности, натяжки. Часто одно явление на сцене не подготовлено другим: появление тех или иных действующих лиц нередко бывает случайным, произвольным. Неизвестно, например, чем обусловливается присутствие в пьесе молодой церковной артистки Наташи. Скорее всего это имеет чисто иллюстративное значение — показать сердечную стойкость Григория Карпова.

ОЧЕРКОВАЯ
МОСКВА 3 стр

В. Залесский.

11 ЯНВАРЯ 1957 ГОДА